

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

17 ИЮН 1984

М. Миронова

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Поцелуй Чаплина

В издательстве «Искусство» выходит книга известных эстрадных артистов Марии Владимировны Мироновой и Александра Семеновича Менакера «В своем репертуаре». Книга необычна, она похожа на эстрадный спектакль, составленный из отдельных номеров: исполнители «выступают» то дуэтом, то поодиночке, поддерживают, дополняют и иногда опровергают друг друга. Мы публикуем отрывок, в котором Мария Миронова рассказывает о своих необычных встречах в Англии.

ИЗВЕСТНО, жизнь человеческая полна неожиданностей. Вдруг позвонил режиссер Конников и попросил подумать, что можно показать в Париже в программе «Большой мюзик-холл СССР». Александр Семенович был на даче, и я только ответила: «Подумаем». Трудно было поверить в серьезность разговора. Тем более что предполагалась моя туристическая поездка в Англию — это выглядело бы уж слишком фантастично — Англия, Париж.

Однако весной 1966 года я с группой советских актеров оказалась в Англии, и там произошло такое, что может только присниться...

Сначала расскажу о «встрече» с Бернардом Шоу.

В один из дней мы поехали в пригород Лондона, где находился дом-музей Бернарда Шоу. Уютный одноэтажный английский дом, перед ним зеленая лужайка с маргаритками. Старушка, жившая здесь еще при Шоу (она была дочерью его домоправительницы), приветливо пригласила нас, и мы совершенно не почувствовали, что вошли в музей.

В углу передней стояли ящик для тростей и зонтов, большая рогатая вешалка, на которой висели дождевой плащ и крылатка — пальто с пелериной, шляпа писателя. Казалось, хозяин на минуточку вышел и вот-вот вернется. Вещи не производили впечатления экспонатов — до них можно было дотрагиваться, можно было, например, выдвигать ящики письменного стола, что я и сделала, и нашла там кипу фотографий, среди которых попался портрет знаменитой актрисы Патрик Кемпбелл. На камине стояли портреты Романа Роллана и Сталина.

Старушка гостеприимно суешила, а когда Плятт надел шляпу и крылатку Шоу, взял его палку, залилась смехом и, вскричав: «О! Бернард! Бернард!» — подхватила его под руку и попросила их сфотографировать, уверяя, что сэр страшно похож на Шоу.

Потом попросили показать что-нибудь еще из бита великого писателя.

— О! Я вам покажу, — сказала она, — где он писал летом.

И повела нас прямо в сад, где было небольшое строение, выкрашенное в зеленый цвет, так что среди деревьев трудно его заметить. Небольшое квадратное сооружение было как бы надето на металлический зеленый шест, который поднимал его от земли на полметра. Шест пронизывал его насквозь и торчал на крыше. Все это было похоже на избушку на курьей ножке, которая вращалась и имела одно окно и дверь

с тремя висючими, как трап, ступеньками. Шоу работал у окна, когда солнце уходило, он спускался по ступенькам и поворачивал избушку окном к солнцу — в Англии солнце нещадное и редко выглядывает. И так целый день. Когда солнце заходило, он поворачивал избушку окном во двор, и это означало, что рабочий день окончен.

В избушке стояла походная металлическая кровать, вращающийся стул, стол с чернильницей, бумагой и перьями — вот и весь кабинет великого писателя. Уже будучи глубоким стариком, он сам поворачивал дом и никому не позволял этого делать.

НЕТРУДНО представить нашу радость, когда одним прекрасным вечером Плучек сообщил, что завтра мы увидим Чаплина. Правда, секретарша сказала, что количество людей должно быть строго ограничено — не более шести-семи человек. О предстоящей встрече мы сообщили в наше посольство. Там были крайне удивлены: представитель Совэкс-портфильма давно добивался встречи с Чаплином, но пока безрезультатно. Так что он, советник по культуре и переводчица поедут вместе с нами. Получалось ровно семь человек — Плучек с женой, Плятт, я и трое из посольства...

И вот показались ворота, обозначенные на плане. Мы подъехали точно к двум часам дня, и ворота автоматически открылись. Вышли из машины и увидели приближающуюся высокую стройную блондинку. Советник посольства шепнул:

— Это и есть секретарь. Вот сейчас она с нами поговорит, и мы поедem обратно.

Но секретарь мило поздоровалась и сказала, что Чаплин примет нас через пятнадцать минут. А пока повела в холл, где в мягких креслах можно было подождать. Меня поразила тишина во дворе, в холле, в коридорах. Ровно через пятнадцать минут секретарь вернулась и повела нас по длинным коридорам, устланным мягкой дорожкой. Нигде не было никаких световых таблов вроде «Тише, идет съемка!» Пока шли по коридору, не встретился ни один человек — тишина была немая. Чаплин работал.

Бесшумно открылась дверь павильона, и ударил ослепительный свет. Как бы лучи яркого солнца играли на морской глади. Было полное ощущение настоящего моря, на фоне которого показывалась «палуба океанского корабля». На палубе в шезлонгах лежали люди, укрытые пледами. Среди этих дремлющих людей я увидела седого человека небольшого роста в шляпе, в драповом рыжем пальто, говорившего что-то стоявшей рядом с ним девушке с транзистором.

Это был он — человек, ради которого мы пришли.

Он кинул на нас мгновенный взгляд и продолжал репетировать, словно тут

же о нас забыв. Сцена была такая. Молоденькая девушка с огромными, как блюдца, глазами искала среди лежащих на шезлонгах своего возлюбленного, которого играл сын Чаплина — Сидней. Не найдя его, она занялась транзистором — он не работал, и она трясла его, стучала по нему, но он не издавал ни звука. И вдруг, когда она перестала по нему стучать, транзистор дико заорал. Отдыхавшие в шезлонгах в ужасе вскочили. Вот и все. Но то, что делала молоденькая актриса, Чаплина явно не устраивало. Девушка не столько искала возлюбленного, сколько демонстрировала свои огромные глаза. Она широко открывала их, все время смотря вверх.

Чаплин задал ей какой-то вопрос, и все засмеялись. Я тихо спросила у переводчицы, что он сказал.

— Он спросил: «Дорогая, что, ваш возлюбленный летает?» «Нет, почему?» — ответила девушка. «А если он не летает, то почему вы его ищите на небе? Он лежит где-нибудь здесь, в шезлонге, вот и ищите его среди людей. Ваша задача найти его, а не демонстрировать свои прекрасные глаза».

Эту азбучную актерскую истину очаровательная девушка никак не могла постичь. Потому что, как сказал потом Чаплин, снималась первый раз в жизни.

Все мое внимание было поглощено Чаплином и я сначала не заметила стоявшего рядом со мной молодого высокого человека в расстегнутой рубашке и развязанном галстуке. Он жевал резинку. А это, оказалось, кумир мирового кино Марлон Брандо. Он тоже снимался в этом фильме. Рядом на стуле, сняв туфли на высоченных каблуках, сидела царица мирового кинематографа София Лорен. Вот в какой компании мы оказались! Больше всех монтировался с этой компанией сэр Слава Плятт. Он и одет был, как преуспевающий делец из лондонского Сити: черный пиджак, полосатые брюки, в одной руке черная шляпа фасона «дипломат», в другой — обязательный для Сити черный зонт-трость. Я ужасно гордилась его элегантностью.

Поражали удивительная дисциплинированность актеров, даже массовки и малое количество обслуживающего персонала. Ни один человек не сидел без дела. Осветители — в белой прозодежде, и только начальник осветительского цеха — в темном. Он был весь «радиофицирован» и распоряжения отдавал в микрофон шепотом. Установленный заранее свет включался точно по партитуре съемки. Когда Чаплин добился желаемого результата от девушки и сцена на палубе была снята, он подошел к нам.

Переводчица представила ему каждого из нас, и сразу завязался неприкрытый разговор. Чаплин часто ласково обращался к Софии Лорен. Я ему шутила сказала:

— Мне кажется, господин Чаплин, что вы просто влюблены в Софию.

Выслушав перевод и узнав мое имя, Чаплин ответил:

— Да, Маша, вы правы, влюблен. Есть очень много хороших артисток, которых часто приглашают сниматься, и они прекрасно играют... Именно играют свои роли. А вот София выходит на съемочную площадку и сразу начинает жить. Не играть, а жить. Вот за это я ее люблю.

Тогда я обратилась к Софии:

— Я видела много картин с вашим участием, и вы всегда были обворожительно. Но в картине «Вчера, сегодня, завтра» вы играли замученную, неухоженную, постоянно беременную женщину, и меня поразило, что вы, такая красивая, не побоялись себя «изуродовать».

Лорен ответила просто:

— Но ведь я актриса, Маша!

Беседа проходила так непосредственно, словно все мы давно знакомы. И Плучек уже что-то оживленно рассказывал Чаплину. Потом советник посольства пригласил Чаплина в Советский Союз. Чаплин с некоторой грустью ответил, что очень этого хочет, но боится, что теперь уже не успеет...

Прощаясь, я сказала Чаплину:

— В нашей стране вас чтут и любят как великого артиста за то, что вы всю свою большую жизнь старались пробудить в людях доброту, которой так мало на земном шаре, но которая так необходима. — Чаплин, ничего не говоря, подошел ко мне и поцеловал в щеку. От неожиданности и счастья я вскрикнула.

— Боже мой! Боже мой! Что мне теперь делать?!

Смеясь, он спросил:

— Что случилось, Маша?

— Если я в Москве расскажу, что меня поцеловал Чаплин, мне же никто не поверит!

Он снова рассмеялся и предложил: — Ну что ж, тогда давайте вместе сфотографируемся.

Все обрадовались, тем более что знали, как Чаплин не любил фотографироваться с малознакомыми людьми. Его предложение означало, что мы ему пришли по душе. Несколько фотографий я привезла в Москву, и одна из них неоднократно воспроизводилась в нашей печати. Но та, которую читатель увидит в этой книжке, публикуется впервые.

Когда через несколько лет я узнала, что Чаплин скончался, то вспомнила эту встречу. В детстве, в юности я много раз видела на экране маленького доброго смешного человека с тросточкой и в котелке, но разве могла себе представить, что когда-нибудь мне доведется с ним познакомиться и разговаривать, пожать ему руку. И даже быть им поцелованной?!

На Шереметьевском аэродроме меня встречал один Александр Семенович.

— Где Андрей?

— Все в порядке. У него сегодня съемка. Ну как Англия?

— Меня поцеловал Чаплин.